

В. В. ДАНИЛОВ

**СТИХОТВОРЕНИЕ „ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ“,
ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ**

В седьмом, дополнительном томе „Сочинений“ Пушкина П. В. Анненков говорит: „Мы приняли смелость исключить из дополнительного тома нашего несколько... ученических упражнений Пушкина, еще ходящих по рукам и ему приписываемых, как например, стихотворения: «Гаральд и Гальвина», «Песнь черкеса», торжественное и пустословное: «Цель нашей жизни» и прочие, сколько потому, что они представляют один риторический набор фраз, без всякого проблеска поэзии, столько и потому, что принадлежность их Пушкину ничем не может быть доказана“.¹

Мнение Анненкова противоречиво. Называя поименованные стихотворения „ученическими упражнениями“ Пушкина, он в то же время утверждает, что „принадлежность их Пушкину ничем не может быть доказана“. Во всяком случае, это только мнение, не подтверждаемое доказательствами.

Тем не менее, Н. В. Гербель в берлинском издании „Стихотворений А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений“, писал: „... Анненковым положительно доказано, что стихотворения: «Цель нашей жизни», «Гаральд и Гальвина», «Не помнишь ли ты, ваше благородье» и «Песнь черкеса» («Седлайся вновь, конь верный мой!..») — также не принадлежат Пушкину...“.²

Но П. А. Вяземский на экземпляре второго Гербелевского издания против этого места написал: „Решительно Пушкина. Он мне их читал“.³

Впоследствии Гербель изменил свое мнение об авторстве Пушкина. В 1876 году в „Русском архиве“ он поместил среди других стихотворений, не входивших до того в издания сочинений Пушкина, также

¹ Сочинения Пушкина, седьмой, дополнительный том, изд. П. В. Анненков, СПб., 1857, стр. 9.

² Изд. 2-е, Берлин, 1870, стр. X.

³ „Старина и новизна“. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения, кн. 8, М., 1904, стр. 33.

стихотворение „Цель нашей жизни“, предпослав ему и балладе „Гараль и Гальвина“ следующее замечание: „...одни говорят, что стихотворения эти не принадлежат Пушкину, тогда как другие, весьма компетентные люди утверждают напротив, что они, несомненно, писаны им, основываясь на том, что они очень напоминают юношескую манеру нашего великого поэта... Придерживаясь последнего мнения, мы нашли нужным поместить их в числе стихотворений Пушкина, предоставляя критике сказать о том свое последнее слово“.¹

К стихотворению „Цель нашей жизни“ Гербель сделал еще особое примечание: „Есть свидетельство, что стихотворение это, в первый раз здесь появляющееся, написано Пушкиным в 1814 году, в Царско-сельском Лицее; оно заслуживает внимания, как один из первых стихотворческих опытов великого поэта“.²

Из названных выше стихотворений, принадлежность которых Пушкину, начиная с Анненкова, была взята под сомнение, стихотворение „Не помнишь ли ты, ваше благородье“, под заглавием „Рефутация г-на Беранжера“, вошло в издание Академии Наук СССР 1937—1949 годов на основании автографа, баллада „Гараль и Гальвина“ отнесена к Dubia, „Песнь черкеса“ и „Цель нашей жизни“ остались вне пушкинского наследия.

Остановлюсь на соображениях о возможности отнести стихотворение „Цель нашей жизни“ к лицейскому творчеству Пушкина.

В Рукописном отделе Института русской литературы это стихотворение с именем Пушкина встречается в пяти рукописных сборниках.

1. Сборник in folio, без переплета, представляющий копию, снятую приблизительно в 50—60-е годы с одной из несохранившихся тетрадей князя Н. А. Долгорукова, составленных в 30-е годы, с карандашными поправками и дополнениями П. А. Ефремова. Копия малограмотная, сделанная лицом, вероятно, служившим во флоте, потому что слово „Вах“ он всюду переделывает в „вахту“. Здесь имеется безграмотный, искаженный список „Цели нашей жизни“ (ф. 244, оп. 8, № 4, лл. 40 об.—41).

2. Разрозненные листы рукописного сборника стихотворений из материалов В. П. Гаевского, вошедших впоследствии в архив В. Е. Якушкина, содержащие исправный текст „Цели нашей жизни“ (ф. 244, оп. 8, № 12, лл. 11 об.—12 об.).

3. Сборник копий стихотворений Пушкина середины XIX века с большим числом псевдопушкинских стихотворений. Сборник написан двумя почерками; поправки и библиографические примечания сделаны красными чернилами третьей рукой. Стихи фривольные и одиозные в политическом смысле (для первой половины XIX века) густо зачеркнуты (ф. 244, оп. 8, № 63, лл. 25 об.—27).

¹ Н. В. Гербель. Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина. „Русский архив“, 1876, № 10, стр. 206.

² Там же, стр. 208.

4. Сборник на синей бумаге, в коленкоровом переплете, под названием „Сочинения А. Пушкина, не вошедшие в Собрания его сочинений: Посмертное и П. Анненкова; с приложением некоторых Материалов для его Биографии. 1857. Москва“. На форзаце дарственная надпись: „П. А. Александрову“ (ф. 244, оп. 8, № 92, л. 79).

5. Сборник под названием „А. С. Пушкин. Стихотворения (нецензурные)“, в переплете, писанный писарским почерком в 90-е годы прошлого века, с приписками, сделанными другой рукой. Сборник из собрания П. Я. Дашкова (ф. 244, оп. 8, № 34, лл. 87—88).

Под всеми пятью списками стихотворения стоит дата: 1814 г. Списки дают очень незначительные разночтения и мало отличны от текста, опубликованного Гербедем. Ниже печатается текст стихотворения по списку В. П. Гаевского.

Цель нашей жизни

Любимец божества, природы старший сын,
Вещай, о человек! почто¹ ты в свет родился?
На то ль, чтоб царь земли и света властелин
К постыдной цели век² стремился?
На то ль, чтоб, огонь и меч прияв в строптиву длань,
Он землю обагрят кровавою рекою,
С весельем адским нес народам смерть и брань
И царства попирает ногою?
На то ль, чтоб в роскоши без пользы дни влачил
И, в неге загубев, скучая в пресыщенья,
Собой землю он напрасно тяготил,
В холодном мучась упоеньи?
На то ль во глубине сибирских снежных гор
И злато, и серебро рождаются покрыты,
Чтоб ими услаждал таинственный свой взор
Скупец, богатствами не сытый?
Восстань, о сын небес! и, правдой озарен,
Порочное свое восчувствуй униженье;
Держай на небесах, восторгом окрылен,
Свое прочесть предназначенье!
Воззри: для мирных стад разостлан в поле дерн,
Орлам развернуты небесные равнины,
Воздвиглися скалы для быстрогого серн,
Для рыб изрылись вод пучины.
Но ты—природа вся тебе приносит дань:
И суша, и моря, и огонь тебе послушны,
Ты отражаешь гром, ты движешь океан,
Летаешь в пропасти воздушны.
Воззри: то солнца луч румянит небеса,
То в легких облаках плывет луна златая,
Рождается в полях весенняя краса,
Алеет роза молодая;

¹ В сборнике П. А. Александрова: на что.

² В тексте Гербеда: всех.

Таится под травой прохлада ручейка,
И в кистях виноград на холмах золотится,
И тихо зыблемый дыханьем ветерка
По нивам желтый клас струится.
Всё для тебя! Срывавай блаженством жизни цвет,
Дарами высшего спокойно наслаждаясь;
Сей мир не есть ядоль злосчастия и бед,
Счастливым будь, не заблуждаясь.¹
Всех благ источника вовек не забывай,
Чти правду и закон, содействуй благу света, —
Тогда без трепета оставишь тленья край
И в мгле померкнешь для рассвета!

Кроме устойчивой в рукописных сборниках даты, относящей стихотворение ко времени пребывания Пушкина в Лицее, и свидетельства об этом Гербеля, ряд других фактов связывает „Цель нашей жизни“ с лицейской учебной жизнью.

Профессор „российского и латинского классов“ Н. Ф. Кошанский в отчете о занятиях воспитанников Лицея за вторую половину 1813 года указывал, что они „делали опыты в сочинении небольших рассуждений“.² Сохранилась тетрадь таких сочинений, написанных товарищем Пушкина по Лицею М. А. Корфом, на темы: „Мысли, по случаю взятия Парижа“, сочинение, датированное 4 июля 1814 года; „О причинах, содействующих патриотизму“, с датой: 17 ноября 1814 года; „Исполнение должности доставляет истинное удовольствие“ и „О цели жизни человеческой“; оба последние сочинения — без дат, но, очевидно, того же года.

В рассуждении Корфа „О цели жизни человеческой“ слышится идейная параллель ко второй и третьей строфам стихотворения „Цель нашей жизни“: „Тиран, посреди увеселений и всех для него изобретенных забав, не может чувствовать того спокойствия, которым наслаждается добродетельный; он наполняет огромные палаты свои ожидающими одного мановения грозной руки его, чтоб поразить тысячу несчастных, коих имели потребно к удовлетворению его сластолюбия. Счастлив ли он? Конечно, нет, ибо, взирая на людей, потерявших свою вольность, на окружающих его сынов, матерей, исторгнутых из рук рыдающих семейств, единственно для того, чтоб служить пищею его жестокости, он чувствует, что причину всеобщего несчастья один он... Гордый властелин вселенной, богач, окруженный своими сокровищами, сластолюбец, утопающий в неге, не счастливее его, ибо они всякий день видят жертвы своего властолюбия и ненасытимости в удовольствиях“. Оканчивается сочинение заключением: „Исполнение правил нравствен-

¹ У Гербеля повелительное наклонение: „наслаждайся“ — „не заблуждайся“.

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (в дальнейшем сокращенно: ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 36, л. 1.

ности и достижение высочайшей добродетели составляет главнейшую цель человеческой природы“.¹

Сочинение „О цели жизни человеческой“ было вынесено на публичный экзамен. Об этом в письме от 25 февраля 1815 года А. Д. Илличевский сообщал своему бывшему товарищу по петербургской гимназии П. Н. Фуссу: „Были читаны у нас и сочинения. Хотелось мне прочесть стихотворение «Весенний вечер», но приказано — прозаическое рассуждение о цели человеческой жизни, которого теперь нет у меня“.²

Я. К. Грот вспоминал о Кошанском: „По временам он поощрял нас пробовать свои силы в стихотворстве и потом читал наши опыты вслух перед всем классом“.³ Еще более это должно было иметь место в годы первого лицейского выпуска, от которого сохранились морализирующие стихотворения воспитанников на темы, данные Кошанским, и среди них В. К. Кюхельбекера „Бессмертие есть цель жизни человеческой“. Подобно автору стихотворения „Цель нашей жизни“, Кюхельбекер бичует тиранию с очевидным намеком на Наполеона, идейно-героического культа которого тогда еще не было среди дворянской молодежи:

Какое море зла волнуется повсюду!
Венцов и скипетров на груди
Воздвигнул изверг свой престол, —
И кровью наводнил и град, и лес, и дол,
И области покрыл отчаянья туманом.⁴

Таким образом, во время прохождения Пушкиным лицейского курса вопрос о цели жизни как тема для сочинений в прозе и стихах ставился Кошанским на занятиях русским языком, причем вопросу придавалось широко гуманистическое и общественно-политическое направление в духе прогрессивных идей XVIII и начала XIX века. Социальная идея, выраженная в стихотворении „Цель нашей жизни“ —

Чти правду и закон, содействуй благу света, —

была внушена лицейским преподаванием. Ту же идею и те же слова находим у А. Д. Илличевского в идиллии „Ирин“ 1814 года, где есть стих:

Трудом и ревностью содействуй благу света!⁵

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 207, лл. 26—27 об., 30—30 об.

² Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 84.

³ Там же, стр. 57—58. Другое свидетельство Я. К. Грота о том же читаем в книге К. Я. Грота „Пушкинский лицей“ (СПб., 1911, стр. 417): „Способ преподавания Кошанского и собственное притом одушевление не могли не возбуждать в молодых людях любви к поэзии и литературе вообще... Не знаю только, хорошо ли, что он задавал нам сочинения не только в прозе, но и в стихах... Уроками Кошанского мы пользовались недолго, и я горько сожалел о том...“.

⁴ К. Я. Грот. Пушкинский лицей, стр. 137.

⁵ Автограф в ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 281. Идиллия была напечатана в „Вестнике Европы“ (1814, № 21, ноябрь); перепечатана К. Я. Гротом в книге „Пушкинский лицей“ (СПб., 1911, стр. 185—187).

Не только идея содействия благу света, но и самые слова шли из лекций адъюнкт-профессора А. П. Куницына. В его лекциях по энциклопедии права, основанных на теории естественного права и общественного договора, в главе „Право общественное“ читаем в записи А. М. Горчакова:

„Целию общества называется общее благо. Успехи в достижении общественного блага называются благополучием общества. Каждый член имеет право требовать от каждого из сочленов, чтоб он, соответственно принятой обязанности, содействовал к общему благу“.¹

Следовательно, стихотворение „Цель нашей жизни“ было создано в результате уроков Кошанского, у которого Пушкин учился с 23 октября 1811 года по апрель 1814 года,² и связано с кругом социальных идей Куницына, который уже в 1812 году, т. е. на втором году обучения первого приема лицеистов, „возжигал“ перед ними ту „чистую лампаду“, за которую впоследствии Пушкин платил учителю „данью сердца“: Куницын читал им курс нравственной философии.

Стихотворение „Цель нашей жизни“ связано также с латинским классом профессора Кошанского. Лицеисты учились латинскому языку по его учебнику: „Латинская грамматика с примерами для чтения. Изданная (по руководству Брёдера) Николаем Кошанским“ (Москва, 1811).

В противоположность последующей методике обучения латинскому и другим иностранным языкам, предусматривающей упражнения в чтении и переводах с первых шагов изучения языка, в учебнике Брёдера—Кошанского материал для чтения и перевода дается только после прохождения всей грамматики, причем, опять-таки несогласно с методикой латинского языка, принятой впоследствии, текст для связного чтения содержит не античный материал, а „Натуральную историю для детей“, в которой находятся такие фразы: „Terra cum ceteris elementis: igne, aëre et aqua, hominum causa facta est... Homines possident universam terram“ (стр. 142); „<Ratio> terram universam et, quae cunq̄ue in ea sunt, omnia in usum suum convertit... Ea <ratio> in ipsum coelum penetrat“ (стр. 349).³

В „Цели нашей жизни“ мы читаем как будто перевод стихами на русский язык этих латинских фраз:

... природа вся тебе приносит дань:
И суша, и моря, и огонь тебе послушны,
.....
Летаешь в пропасти воздушны.

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 372, л. 29.

² 2 мая 1814 года Кошанский на уроки не явился и болел до 25 сентября 1816 года.

³ Земля с прочими элементами: огнем, воздухом и водою создана для людей... Люди владеют всею землею... <Разум> обращает всю землю и всё, что на ней находится, в свою пользу... Он <разум> проникает в самое небо.

Анненков называет стихотворение „Цель нашей жизни“ „торжественным“. Иным оно и не могло быть в то время, когда в литературе еще бытовала торжественная классическая лирика, тем более, что стихотворение вышло из „российского класса“ Кошанского, собственная проза и стихи которого обладают сугубо торжественным характером. Языку своих учеников он также старался привить величавость. Так, например, в стихотворении Илличевского на летописный сюжет „Освобождение Белграда“ Кошанский исправил слова „колодцы выкопав“ на „изрывши кладези“, „напрасно“ на „тщетно“, „говорить“ на „вещать“.¹

Учащиеся любят находить комические стороны в преподавателях и посмеяться над ними. Поэтому Дельвиг в Лицее написал на торжественную элегию Кошанского „На смерть графини Ожаровской“, напечатанную в „Вестнике Европы“ (в 1814 году), пародию под названием „На смерть кучера Агафона“; но это не говорит о том, что Кошанский не имел авторитета среди своих слушателей. В 1814 году он был человеком молодым, 29 лет, обладавшим широкой, разносторонней эрудицией и мастерством художественного чтения, преподавателем с творческим началом, обогатившим школу ценными для своего времени учебниками. Несмотря на неустройство и дезорганизованность учебного дела в Лицее, Кошанский имел влияние на воспитанников. Н. К. Пиксанов признает это влияние положительным: „...его стремление, — говорит он, — возбудить в учениках литературную самостоятельность, отзывчивость его на проблески дарования в ученических опытах, его содержательные лекции и непринужденные беседы — имели свое хорошее влияние... этого влияния не остался чужд и Пушкин“.²

Ссылаются на стихотворение „Моему Аристарху“ как на свидетельство резкого расхождения Пушкина с Кошанским в литературных взглядах и неподчинения ученика авторитету учителя. Но ведь Пушкин защищает в этом стихотворении „плоды бродящих резвых дум“ и поэзию „веселых Граций“ против внушаемой преподавателем „поэзии трудолюбивой“. Кошанский, конечно, стремился привить юному поэту мысль, что поэзия есть труд, хотел придать его творчеству серьезное направление, и так поступил бы на месте Кошанского каждый педагог. А для поэта-юноши, полного веселым опьянением жизнью, преподаватель казался „трезвым Аристархом“, „цензором угрюмым“ и „скучным проповедником“.

Барон М. А. Корф дважды говорит о том, что Кошанский „всячески старался отвратить и удержать Пушкина от писания стихов“, „жестоко преследовал“ его, как и других, „за всякую попытку в этом роде“, причем два раза приводит один и тот же мотив: зависть к таланту

¹ В. П. Гаевский. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. „Современник“, 1863, т. ХСVII, № 7, отд. I, стр. 133.

² Библиотека великих писателей. Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1907, стр. 258.

Пушкина.¹ Обвинение это надо решительно отвергнуть. Оно неправдоподобно потому, что такое выражение, как „жестоко преследовал“, совершенно несогласно, во-первых, с режимом, существовавшим в Лицее, и, во-вторых, с характером Кошанского, о котором Я. К. Грот сообщает, что „вся его внешность, необыкновенно мягкая и изящная в формах, вполне соответствовала его внутренним достоинствам...“.²

Обвинение Корфа вообще теряет достоверность, если учесть характеристики, данные им другим профессорам Лицея. О них всех — Кошанском, Куницыне, историке Кайданове и математике Карцове — Корф отзывался как о преподавателях с большими недостатками; все они в его изображении — чудаки, люди со странностями; но особенно он высмеивает их плохое французское произношение, в чем сказалось традиционное отношение аристократа к учителю-разночинцу.

Отметая свидетельство барона Корфа об отношении Кошанского к Пушкину, следует согласиться с сообщением другого товарища Пушкина по Лицею — С. Д. Комовского, который вспоминал, что „Кошанский, предвидя необыкновенный успех поэтического таланта Пушкина, старался всё достоинство одного приписывать отчасти себе...“.³ Это вполне согласно с психологией учителя: в достоинствах своих учеников он видит прежде всего самого себя.

Поэтому, когда впоследствии, по свидетельству лицеиста четвертого выпуска М. А. Белухи-Кохановского, окончившего Лицей в 1826 году, Кошанский, „быв страстным поклонником Пушкина, с особенным мастерством читал его произведения“,⁴ в этом чтении сказывалось не только мастерство, но и гордость учителя за своего ученика. Недаром, обращаясь в 1827 году к воспитанникам шестого курса, Кошанский назвал литературные опыты пушкинского выпуска „первыми песнями Лицея, звукami родины, голосами праотцев“.⁵

А. Н. Майков в статье „Пушкин в изображении М. А. Корфа“ писал, что поэт-лицеист „не без уважения относился... и к Кошанскому, который рано угадал гениальные способности своего ученика“.⁶ Однако об отношении Пушкина к Кошанскому можно говорить не в таких умеренных выражениях.

Есть один автограф Пушкина, содержащий незаконченное стихотворение „Царское село“, начинающееся стихом: „Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений...“, в котором он с трогательной теплотой и глубокой задушевностью вспоминает свою юность. Автограф исчерпан и изобилует поправками, начатыми и недописанными стихами, — типиче-

¹ Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 1887, стр. 251, 257.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 251.

⁴ „Русская старина“, 1890, т. 65, стр. 841.

⁵ Записка, присланная Кошанским в 1827 году воспитанникам VI курса при возвращении их поэтических опытов. ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 71; см.: К. Я. Грот. Пушкинский лицей. 1911, стр. 424.

⁶ „Русская старина“, 1899, т. 99, стр. 300.

ский пример „поэзии трудолюбивой“, в которой Кошанский наставлял когда-то своего ученика, автограф, показывающий, как поэт старался дать нечто адекватное эмоциям, вызванным воспоминаниями. В его уме теснились образы прошлого. Раздумывая о нем и воображая его, Пушкин не рисовал на полях рукописи, как делал это обычно, контурные портреты людей, с которыми ассоциировалась творческая мысль, а воспроизвел на полях две имитирующие подписи: одну — Александра I, который „взял Париж и создал наш Лицей“, и другую — Кошанского.¹

Хотя подпись Кошанского не представляет ничего характерного в графическом отношении, — это аккуратная, каллиграфически выведенная подпись, без росчерка, — однако ее имитация встречается также в других рукописях Пушкина. В одной черновой тетради имитация подписи Кошанского встречается четыре раза на одной странице; в другом месте той же тетради она идет на следующей странице после воспроизведенных Пушкиным школьных стихшков, восхваляющих любовь, вино и лень:²

Любовь и вино
 Нам нужны равно.
 Без них человек
 Зевал бы вовек.
 К ним лень еще прибавим, —
 Лень с ними заодно.

В рукописях Пушкина известно воспроизведение подписи Кошанского в восьми случаях. Если бы с памятью о Кошанском у Пушкина соединялась отрицательная оценка, вряд ли бы он не один раз старательно выводил его подпись в книгах своего поэтического „бытия“.

Поэтому не случайно образ Кошанского возник перед ним, когда через пять-шесть лет по окончании Лицея, в 1822 или в 1823 году, Пушкин вспоминал свою юношескую царскоевельскую жизнь:

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений
 О ты, певцу дубрав давно знакомый Гений,
 Воспоминание, рисуй передо мной
 Волшебные места, где я живу душой,
 Леса, где я любил, где чувство развивалось,
 Где с первой юностью младенчество сливалось
 И где, взлелеянный природой и мечтой,
 Я знал поэзию, веселость и покой. . .

(„Царское село“).

В ранние годы, когда детство поэта сливалось с первой юностью, он, естественно, подчинился влиянию торжественного стиля профессора и указанных им литературных образцов.

Надо принять во внимание также непосредственно школьную цель, которую должен был преследовать Пушкин: выполнить задание так,

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 25.

² ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 829, лл. 51, 77 об.—78. Имитации подписи Кошанского также см.: ф. 244, оп. 1, № 831, л. 38 об.

чтобы заслужить высшую оценку преподавателя, потому что, по наблюдениям Кошанского, Пушкин, „побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желал сравниться с первыми питомцами“,¹ а для этого надо было удовлетворить требованиям преподавателя.

Товарищи Пушкина не сохранили воспоминаний обо всех его литературных успехах в российском классе Кошанского; но успехи эти, конечно, не были единичными и случайными, что дало Кошанскому основание постоянно характеризовать их как „блистательные“.² Эта аттестация должна относиться только к поэтическому творчеству Пушкина, так как никто другой из его товарищей не заслужил ее. Успехи первых учеников, достигнутые прилежанием и твердым усвоением учебного материала, Кошанский характеризовал иначе: успехи Вальховского названы им „чрезвычайными“, Горчакова — „превосходными“. Эти аттестации говорят об учебных способностях и напряженном трудолюбии лучших учеников, а характеристика „блистательные“ — о чем-то возвышающемся над уровнем классной жизни, о поэтических успехах Пушкина. Стихотворение „Цель нашей жизни“ — случайно сохранившийся след „блистательных“ успехов Пушкина в классе русской словесности, на который надо смотреть как на факт биографический, характеризующий школьную жизнь поэта.

Анненков называет это стихотворение „пустословным“ — характеристика резкая и несправедливая. Пустословия в нем нет, и через всё стихотворение проходит определенная, ясно выраженная нравственная идея, не обладающая притом оригинальностью, так как стихотворение повторяет мотивы, встречавшиеся в предшествующей русской литературе, — что счастье не в обладании властью и богатством, а в добродетельной жизни среди благ природы. Почти все мотивы и образы „Цели нашей жизни“ встречаются, например, в „Послании к Александру Алексеевичу Плещееву“ Н. М. Карамзина.³ Ученическое стихотворение должно было быть подражательным.

¹ Отчет Кошанского об успехах лицеистов за 1812 и 1813 годы. ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, №№ 33, 34, 36.

² Там же.

³ Приводим отрывки из „Послания к Александру Алексеевичу Плещееву“ Н. М. Карамзина:

Народов сильных победитель
И стран бесчисленных властитель
Под блеском светлого венца
В душевном мраке унывает,
И часто сам того не знает,
На что величия желал...
А сей вадыхающий скелет,
Который богом чтит стяжанье,
Среди богатств в тоске живет!...
Кто малым может быть доволен,—
Не скван чувством, духом волен...
Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна,
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен
Рукой своей или умом,

Несмотря на традиционность содержания „Цели нашей жизни“, вторая строфа стихотворения своими сильными словами, грозящими завоевателям, которые, „огнь и меч прияв в строптиву длань“, облагряют землю „кровавою рекою“, найдет живой отклик у наших современников; это немаловажный факт для оценки художественного достоинства произведения, если оно и через полтора десятка лет может быть воспринято в непосредственной жизненности своих идей.

В теоретическом плане стихотворение отвечало учению о дидактической поэзии, как развивал его адъюнкт П. Е. Георгиевский в лекциях, читанных для первого лицейского курса: „...поэт, — поучал он, — имеет много средств к изъяснению важных услуг в пользу человечества... Стройный звук слов, приятные картины воображения, живые впечатления чувствий суть те прелести, которые насильно, кажется, привлекают к добродетели, заставляя находить удовольствие в исполнении обязанностей...“¹

Обладая этими признаками дидактической поэзии, стихотворение „Цель нашей жизни“ отвечало также общему духу лицейского обучения: „всё сословие профессоров, — писал Кошанский как секретарь конференции Лицея, — заботилось единственно о том, чтобы не упустить из виду ничего, клонящегося... паче всего к насаждению добродетели...“²

Связь стихотворения „Цель нашей жизни“ с Лицеум пушкинского периода бесспорна. Кроме Пушкина, оно могло принадлежать одному из трех лицейских поэтов: А. Д. Илличевскому, который в начале лицейского курса обращал на себя внимание поэтическим творчеством даже более, чем Пушкин, В. К. Кюхельбекеру и, наконец, А. А. Дельвигу.

Илличевский на ту же тему написал прозаическое рассуждение. Если предположить, что он же написал еще на вопрос о цели жизни данное стихотворение, то вряд ли он умолчал бы об этом в своих откровенно детских письмах к Фуссу; а затем, какой смысл был для Илличевского писать по заданию преподавателя на одну и ту же тему и прозой, и стихами? Кюхельбекер создал свое стихотворение „Бессмертие есть цель жизни человеческой“. У Дельвига, среди его стихотворений лицейского периода, есть собственный ответ на вопрос о цели жизни. Это — стихотворение „Тихая жизнь“, повторяющее те же идиллические представления о безмятежной жизни среди природы как идеале, какие рисует автор „Цели нашей жизни“.

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется, —

Тот.....
Отраду в горестях найдет,
С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.
1794 год.

¹ Запись А. М. Горчакова. ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 361, л. 59. См.: Б. С. Мейлах. Лицейские лекции (По записям А. М. Горчакова). „Красный архив“, 1937, № 1, стр. 129—203.

² Отчеты конференций Лицея за 1812 и 1813 годы. ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, №№ 51—53.

так начинается это стихотворение Дельвига, родившееся в лицейских стенах и, всего вероятнее, в ответ на поставленный в классе вопрос.¹

Таким образом, для стихотворения „Цель нашей жизни“ как произведения лицейского можно предположить только авторство Пушкина.

К доказательствам принадлежности стихотворения Пушкину присоединяю еще стилистический анализ, имеющий значение только в ряду с другими соображениями.

По языку „Цель нашей жизни“ не отличается от стихотворений Пушкина, относящихся к 1814 году. Мы слышим в нем резко звучащий церковно-славянизм „дери“, рифмующийся со словом „серн“, но такие же рифмы, режущие современный слух, имеются в лицейских стихотворениях Пушкина: в „Кольне“—„стрежет—побед“, в „Осгаре“—„лет—полет“, в „Блаженстве“—„исчез—поднес“.

Старомодный язык второго стиха в начале стихотворения:

Вещай, о человек! почто ты в свет родился? —

напоминает подобный же стиль в „Эвлее“:

Кто ты? — спросил, почто ты здесь? Вещай. . .

Архаически-народное слово „почто“ не раз звучит в поэтическом языке молодого Пушкина: в оде „На возвращение императора Александра из Парижа в 1815 году“ поэт повторяет его три раза подряд, и всем оно памятно по стихотворению „Деревня“.

Характерным для юного Пушкина является то, что, изображая пейзаж, он почти всегда рисует ручей, обыкновенно в sentimentalной языковой окраске, употребляя уменьшительно-ласкательную форму слова; например, в „Блаженстве“ (1814):

. . . журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек. . .

В стихотворении „К Наташе“ (1814): „Хладен ручеек игривый“; в „Городке“ (1814—1815):

. . . быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.

В стихотворении из письма к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года рисуется блаженство того, кто видит „Долину с резвым ручейком“.

¹ Для точной датировки стихотворения „Тихая жизнь“ нет данных. Илличевский в письме к Фуссу в феврале 1816 года говорит о нем как о прошлом лицейского творчества Дельвига: „Иногда он позволял себе отступления от общего правила, т. е. писал ямбом: *Поляк* (балладу), *Тихую жизнь* (которую пришло тебе — мастерское произведение!) и писал опять прекрасно“ (К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 63).

Эту повторяющуюся деталь пушкинского пейзажа ранних лет творчества поэта видим также в „Цели нашей жизни“:

Таится под травой прохлада ручейка. . .

С другими произведениями Пушкина роднят стихотворение „Цель нашей жизни“ два оригинальных стилистических образа, обнаруживающих, в противоположность мнению Анненкова, яркие проблески поэтической мысли. Сюда принадлежит стих:

Для рыб изрылась вод пучины.

Возвратная форма глагола „изрыть“, вообще не употребительная в разговорной речи и потому не сопровождаемая в „Толковом словаре“ В. И. Даля примерами живого применения, создает картину действия стихийных сил. Ту же форму, обнаруживающую высоко творческое отношение к языку, встречаем у Пушкина в „Эвлоге“:

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина. . .

Второй оригинальный стилистический образ „Цели нашей жизни“ — в стихах:

И тихо зыблемый прохладой ветерка
По нивам желтый клас струится.

Содержание, соединенное с глаголом „струиться“, ассоциируется с представлением о воде, как, например, в „Евгении Онегине“:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо.

(Гл. 7, XV).

Но в „Цели нашей жизни“ это содержание перенесено на созревшую ниву, подобно тому как художественный опыт И. К. Айвазовского наравне с волнующимся морем включал в себя также картины волнующихся хлебных полей. Пушкинское происхождение этой метафоры подтверждается другим произведением поэта. В „Послании к Юдину“ (1815) читаем:

Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.

Струющиеся хлебные колосья и струящийся лиственный покров рощи — образы, возникшие в одной системе метафорического языка.

Остановлюсь еще на строфе:

На то ль во глубине сибирских снежных гор
И злато, и серебро рождаются покрыты.

Чтоб ими услаждал таинственный свой взор
Скупец, богатствами не сытый?

Не сытый богатствами скупец, услаждающий золотом и серебром свой „таинственный“ взор, т. е. делающий это тайно от всех, — ведь это художественная идея будущего „Скупого рыцаря“. А географический образ первого стиха этой строфы в измененной редакции будет повторен в начале послания декабристам:

Во глубине сибирских руд...

Точно так же образ, данный в стихе:

Алеет роза молодая —

в следующем году повторится в „Гробе Анакреона“ с заменой эпитета синонимом:

Розы юные алеют
Камня древнего кругом...

Изображение зари в той же строфе:

... солнца луч румянит небеса —

повторяется в „Фавне и Пастушке“, стихотворении лицейского периода:

Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса...

У начинающего художника слова, поэта-мальчика, еще не богатого опытом языка и ограниченного нешироким кругом жизненных наблюдений, естественно, нет богатства красок на словесной палитре, и отсюда эти повторения слов и выражений.

Стихотворение „Цель нашей жизни“ соединяет с другими юношескими произведениями Пушкина его эпикурейски-горацианская настроенность, отчетливо выраженная в призыве:

... Срывай блаженством жизни цвет.

В эпикуреизме произведения растворяется и затушевывается религиозная идея в конце стихотворения, которая должна была быть заданием, поставленным преподавателем. Всё это характерно для юного Пушкина.

Не был чужд для него также идеал мирной жизни среди благ природы, проникающий „Цель нашей жизни“. Он не был навеян только литературой, но был отзвуком душевных влечений, к которым не раз возвращается поэтическая мысль Пушкина. Этот идеал высказан им в лицейских стихотворениях: „К Дельвигу“, „Городок“, „Мечтатель“, „Послание к Юдину“, „Сон“.

Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай. . . —

говорит он в последнем стихотворении, и с этим по-юношески преувеличенным призывом резонирует зрелая мысль поэта в „Евгении Онегине“:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины. . .

(Гл. I, LV).

Из двадцати пяти произведений Пушкина, относящихся к 1814 году и помещенных в академическом издании, автографы сохранились от десяти стихотворений, включая сюда списки, в которые Пушкин внес исправления. Из этих двадцати пяти произведений четырнадцать были напечатаны при жизни Пушкина. Но шесть и напечатаны не были, и автографы их до нас не дошли. Пушкин не ценил даже те стихотворения юношеских лет, которые были напечатаны, и ни одного из них не включил в собрания своих стихотворений 1826 и 1829 годов. Он отказывался при этом от авторства в отношении некоторых юношеских произведений. Так, например, в 1829 году О. М. Сомов объявил в „Северных цветах“, что Пушкин отказывается от „Фавна и Пастушки“ и „поручил. . . засвидетельствовать сие пред публикой“ (стр. 35—36).

Тем менее мог Пушкин ценить стихотворения, написанные в порядке классного сочинительства, по заданию преподавателя. Своё отношение к ним он еще в лицейское время определил в „Городке“.

Когда Пушкин читал П. А. Вяземскому „Цель нашей жизни“, то, без сомнения, не как плод творчества, которым хотел поделиться с другом, а как извлеченное из пыли прошлых лет воспоминание о школьных годах, всегда вызывавших у лицеистов первого выпуска трогательные переживания.

Резюмирую соображения о возможности принадлежности стихотворения „Цель нашей жизни“ Пушкину.¹

Доказывается связь стихотворения с Царскосельским лицеем, с российским и отчасти латинским классами профессора Кошанского и с лекциями адъюнкт-профессора Куницына.

Из четырех лицейских поэтов Илличевский, Кюхельбекер и Дельвиг отозвались каждый особо на тему о цели человеческой жизни, а автором стихотворения „Цель нашей жизни“ остается признать лишь Пушкина.

Традиция рукописных сборников утверждает авторство Пушкина, с постоянной датой. Из них сборник князя Н. А. Долгорукова, хотя

¹ Гипотеза, выдвинутая в настоящей статье не является бесспорной и требует дальнейшего обсуждения. (См. отчет о Третьей Пушкинской конференции в „Известиях АН СССР“. Отд. лит. и яз., 1951, т. X, вып. 5, стр. 521).

и дошедший в малограмотной копии, восходит ко времени жизни Пушкина.

Н. В. Гербель, сначала стоявший в отношении авторства Пушкина на отрицательной точке зрения Анненкова, впоследствии был убежден, как он пишет, „весьма компетентными людьми“, что это „один из первых стихотворных опытов великого поэта“.¹

Наконец, по поводу авторства Пушкина мы имеем прямое свидетельство П. А. Вяземского, авторитет которого в пушкинском наследии был так значителен, что только согласно с его указанием, — там же, на полях второго гербелевского берлинского издания стихотворений Пушкина, — эпиграмма „Холоп венчанного солдата“, направленная по традиции всех рукописных сборников на А. А. Аракчеева, стала считаться направленной на А. С. Стурдзу. Но почему-то на слова Вяземского относительно „Цели нашей жизни“ не было обращено внимания.

Язык стихотворения не стоит в противоречии с языком других юношеских произведений Пушкина. В его языке находим совершенно оригинальные изобразительные приемы, говорящие о задатках высокого словесного мастерства, которые встречаются также в других произведениях молодого поэта. Некоторые стихи „Цели нашей жизни“ в измененной форме или целиком повторяются в последующих стихотворениях Пушкина.

На основании этих соображений считаю, что отрицательное решение вопроса об авторстве Пушкина в отношении стихотворения „Цель нашей жизни“, впервые бездоказательно высказанное П. В. Анненковым и до сих пор не рассмотренное, было принято на веру, чему способствовало первое художественное впечатление, производимое стихотворением, в котором более чувствуется XVIII век, чем легкий, насыщенный жизнью пушкинский стих, и самая метрическая форма которого представляет воспроизведение формы „Жизни Званской“ Державина, близкой к „Цели нашей жизни“ также по основной идее.²

Поэтому, составляя суждение о „Цели нашей жизни“, следует смотреть не в поэтическое будущее Пушкина, а в прошедшее русской литературы (конец XVIII и начало XIX века), рассматривая стихотворение в одном плане с такими произведениями раннего периода творчества Пушкина, как, например, „Слеза“ („Вчера за чашей пуншевою“, 1815) или ода „Принцу Оранскому“ („Довольно битвы мчался гром“, 1816), в которых еще не предугадывается будущий создатель „Евгения Онегина“.

¹ В рукописном сборнике М. Н. Лонгинова, по любезному сообщению Т. Г. Зенгер-Цявловской, после текста стихотворения под № XXVIII имеется примечание: „Есть свидетельство, что пиеса эта написана в 1814 году, т. е. принадлежит к первым стихам Пушкина; она, точно, написана ученически и риторически, но, как один из его первых опытов, очень примечательна“.

² На метрическое сходство этих стихотворений указал мне Б. В. Томашевский.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ш У ШШ Ю Ш Ш
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕСОЮЗНОЙ
ПУШКИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1953 - ЛЕНИНГРАД